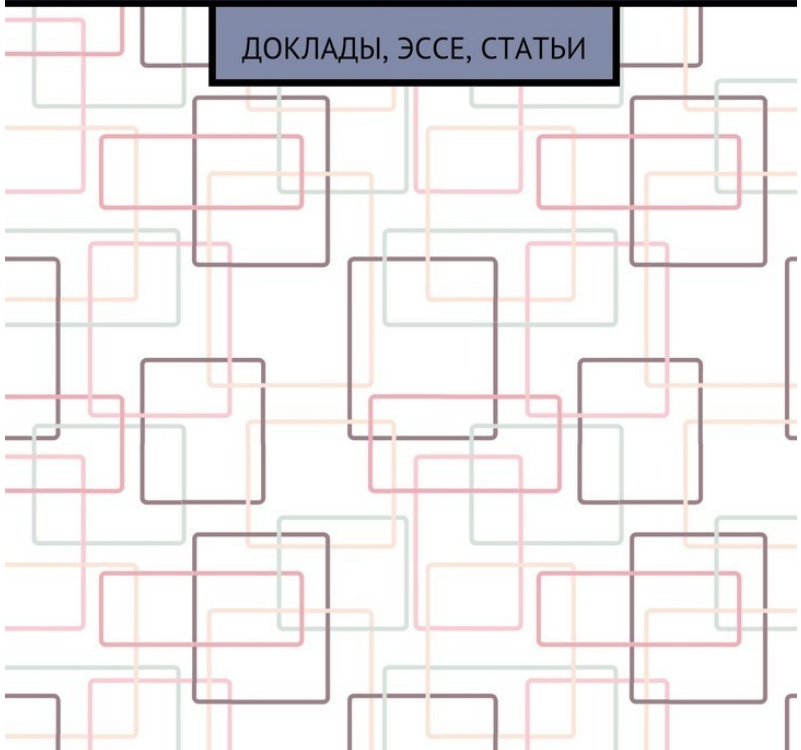

СЕРГЕЙ СМЕТАНИН

В споре со временем

ДОКЛАДЫ, ЭССЕ, СТАТЬИ

Сергей Сметанин
В споре со временем.
Доклады, эссе, статьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508927
ISBN 9785449067166

Аннотация

Сборник научных докладов, эссе, статей, написанных за последние годы. Попытка оригинального взгляда на актуальный творческий и литературный процесс.

Содержание

Доклады, эссе, статьи	5
Тридцать три года писательства	5
Югорская диалектика	5
Судьба иронии	11
В память о писателе (о Н. П. Смирнове)	21
Характер писательницы	26
(О М. К. Анисимковой)	
От мечты до прорехи	29
Романтик с Мелик-Карамова*	47
(О творчестве Георгия Ешимова)	
Конец ознакомительного фрагмента.	56

В споре со временем Доклады, эссе, статьи

Сергей Сметанин

© Сергей Сметанин, 2018

ISBN 978-5-4490-6716-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Доклады, эссе, статьи

Тридцать три года писательства

Югорская диалектика

Основной источник моего третьвекового существования в Сургуте – зарплата на производстве. Бывал я на инженерных должностях, жилал и на вольных хлебах, но недолго, трудовая книжка отражает сей факт с неумолимостью. И хотя ни одной из своих пяти книг я не издал за свой счет, полагая, что самиздат, это уж точно – любительство, мои детища литературного заработка не принесли. За первую в Сургуте художественную книжку «Созвездье фар», которую я готовил не менее шести лет, я рассчитывал в 1992 году получить солидный гонорар. Этого гонорара должно было хватить на половину «Запорожца». Мне повезло – я получил в три раза больше, около 9 тысяч, правда, к моменту выдачи денег на руки гиперинфляция так постаралась, что хватило их мне ровным счетом на две пачки печенья.

Известно, что профессионализм кроме всего прочего определяется тем, что профессионал, так или иначе, живет за счет профессии. В моем случае правильно было бы гово-

ритель: профессионально пишущий рабочий, член творческого союза.

Логично предположить, что героя все тридцать лет я искал в рабочей среде. Почему бы и нет? Семьдесят процентов населения Советского Союза были рабочими, более половины моих товарищей имели высшее образование, были женаты, вели добропорядочный образ жизни, все платили профсоюзные взносы, кое-кто даже был партийным. Редкий не имел за плечами приключений, приведших его в конце концов на Север, редкий не пережил увлечения общественной деятельностью, некоторые, как и я, занимались писательством.

Не надо думать, что рабочая среда однородна, сера и скучна. Напротив, порой удивляет, насколько разные люди выполняют производственную задачу, а в свободное время сидят в бытовке, обсуждая поход на автомобильный рынок, подробности ремонта квартиры или дачи, или рецепт приготовления баклажанов.

Объединяет рабочий класс Севера, впрочем, не только рабочий класс, но и многих и многих чиновников одно немаловажное обстоятельство. Называется оно – северные льготы. Тут надо заметить, что районный коэффициент и, так называемые, «северные» у большинства проработавших на одном месте более пяти лет составляют основную часть заработка. В Сургуте северная льгота у рабочих-нефтяников составляет 120%. Чтобы получить надбавку размером в сто льготных

рублей, нужно наработать на восемьдесят три рубля с копейками. Или, другими словами, из каждой тысячерублевки, которая лежит в бумажнике северянина со стажем, заработаны только 454 рублей 54 копейки, а остальные 545 рублей 46 копеек добавлены государством в виде льгот.

Нечего и говорить, что все или почти все северяне – государственники. К сознанию того, что государство это – все, их ежедневно приучает их собственный кошелек, причем делает это весьма убедительно. «Государственный» тип мышления заставляет их по-особому относиться к выборам. Они голосуют за те партии, которые либо представляют существующую власть, либо обещают вести линию на укрепление государственности впредь. Те, кто не идет на выборы, резонно предполагают, что от их неявки на избирательный участок государство не рухнет, следовательно, можно считать, что они проголосовали «за», то есть, за сохранение теперешних устоев.

Экономически большинство северян-рабочих вынуждены вести денежное хозяйство. То есть иные источники дохода, как-то натуральная добавка от дачи, охоты или рыбалки нерегулярны и ненадежны. Вот счет в банке – это да! Правда, держателей акций «Сургутнефтегаза», «Газпрома», и других приятных обществ среди рабочих крайне мало. Оно и понятно, тогда бы они не работали, а жили бы на дивиденды.

Рабочий класс в северных «палестинах» – надежная машина по выжиманию северных льгот из государства. Даже

бандиты, говорят, не трогают работягу. Зачем рубить сук, на котором так удобно сидеть? Гораздо проще обработать заезжего челнока, провести передел добычи многочисленных полулегальных мошенников, начиная от владельца точки по продаже фальсификатов, заканчивая чиновником, который по сведениям наводчиков «ест много тортов».

В среде рабочих на севере много людей культурных, имеющих высшее образование. На одном из очередных ремонтов газоперерабатывающего завода, в комнате для приема пищи собралось 12 рабочих. Из них только двое не закончили вуза. Остальные же могли похвастаться дипломами нефтяного, химического, строительного институтов, двое имели университетское образование.

И рабочая молодежь денег на образование не жалеет. Все понимают выгоду, которую приносит диплом. С дипломом легче двинуться по карьерной лестнице, легче, в случае чего, пережить кризис и найти другую работу.

Большая часть рабочих имеют родственников среди представителей других подразделений предприятия, на котором они работают. Это не «трайболизм» и не рабочие династии, а нечто среднее. Во всяком случае, это явление двояко влияющее на рабочий класс. С одной стороны, оно несколько размывает его интересы, с другой, помогает получать информацию о жизни предприятия, которая порой не то, чтобы скрывается, но как-то не рекомендуется к распространению. В общем и целом, родственные связи хорошо известны админи-

страции.

Наверняка, они ею используются по назначению. Надо ли пустить какой-либо слух, создать общественное мнение, либо как-то повлиять на него – нет ничего удобнее, чем разговор за столом двоих-троих родственников. Но даже такой, изученный до дыр, послушный и преданный любой государственной идее рабочий класс неудобен для класса правящего. Не зря бродит в массах изречение, приписываемое одному из высших руководителей-собственников Богданову: «Самое вредное для производства, это рабочие». Безусловно, для капиталистического производства это так.

Рабочие вредны, потому что верят государству больше, чем предпринимателю, ведь северные льготы ввел не он. Рабочие вредны, потому, что продолжают надеяться на улучшение условий труда, при сохранении курса руководства на максимальную прибыль, а при случае могут пойти на забастовку. Рабочие вредны, потому что в отличие от автоматических установок, которые можно настроить и ждать запрограммированных результатов, плохо поддаются программированию. Они разные. Среди них встречаются и самостоятельно мыслящие. А самое вредное, что среди них встречаются коммунисты. Коммунист-рабочий – это высшая опасность для капиталиста. Это значит, что коммунистическая идея не «бродит призраком по Европе» с конца еще 19 века, где пусть бы она и бродила еще лет 500—800, а проникла туда, куда и замыслили ее поселить Маркс и Энгельс – в са-

мое для них святое – в рабочий класс.

Это чревато ростом самосознания современных пролетариев, которых создала и создает действительность. Пусть на севере это полу-пролетарии, полу-государственники по чину. Пусть современное высшее образование обходится без диалектического материализма. Пролетариат – естественный продукт буржуазного общества. Оно его создает, и заботится о том, чтобы вокруг не было «книжек-зеркал» – не дай Бог, сам себя познает. Но запретить пролетариату смотреться «в воду» собственной памяти и собственной речи оно не в силах.

Помнит пролетариат и о законе единства и борьбы противоположностей, и о законе взаимоперехода количества с качеством (сиречь числа со свойством), и о законе отрицания отрицания. Помнит и применяет для познания действительности, какой бы сложной она ни была. Благо материалом для этого познания служит как сама действительность, так и собственная мыслящая голова, и родная речь. И не вышибить из его памяти эти великие три закона, не заставить о них молчать. Ты против? Ну, так пойдя, умойся, да яичко съешь, – как говорила моя покойная бабушка.

Такая вот диалектика. Конечно, заменить рабочих роботами, которые, как показывают по телевизору, уже почти умеют играть в футбол, пока не реально. Воспользоваться половиной их сущности, купленной на «льготные» деньги реальнее. Вот и пыжятся югорские власти, пытаясь как мож-

но более разнообразить если не качество товаров, то хотя бы вид этикеток и тары. Вот и создают в суровых климатических условиях иллюзию столичной жизни, со всеми ее дорогостоящими прибабамбасами. Тут тебе и форумы, и фестивали, культура, туризм, образование, даже, по секрету Вам скажу, Литература. Но о югорской литературе, если читатель мне позволит, я расскажу в следующей статье.

Судьба иронии

Двадцать лет капитализма это не просто период спокойной жизни, по истечению которого неожиданно выяснилось, что где-то совершена роковая ошибка и Россия развивалась неправильно. Нет, это двадцатилетие есть годы борьбы, формирования и изменения классов, партий и личностей, их противостояния на грани между жизнью и смертью, не зря наша страна испытывает кризис наравне со всем миром, её население сократилось и продолжает сокращаться, перспективы по признанию многих специалистов очень неясны. Смутное время продолжается.

На протяжении этого времени многое было в поле зрения, что-то родилось, что-то отжило свой век, возникли новые средства массового прояснения и затуманивания голов, выработано, опробовано и проверено множество практических технологий.

Во-первых, прожитые десятилетия, вроде бы, показали,

что капитализм, с которым советское общество рассталось будто бы навеки, жизнеспособен. Никто ведь не станет отрицать, что именно так надо называть строй при котором мы сейчас живём. Налицо диктат частной собственности, запредельная власть денег, бешеная свобода всего мещанского. А если уж при всём этом продолжаем существовать мы сами, то отрицать этот вольный или невольный симбиоз было бы нелепо.

Но посмотрим правде в глаза. Капитализм хвастался тем, что сделает население страны богатым. С этой задачей он явно не справился. Богатыми стали единицы. Большая часть русских людей живет бедно или в нищете.

Следствием этого, благодаря желанию высших классов удерживать положение господства, стало духовное обнищание русских. Для человека желающего воспользоваться свободным временем и развивать свои способности возведены немыслимые препоны.

Выходит, что реанимация мертвеца-капитализма в нашей стране состоялась, но в виде насмешки, так, что лучше бы её и не было. Разве это не ирония? Нет такой области жизни в которой этот зомби принёс народу хоть толику счастья.

Вот как обстоят дела в доступной моему взгляду литературе.

Отделение организации Союза писателей России, к которому я принадлежу, существует примерно столько же, сколько и новооживлённый капитализм. Её деятельность можно

разделить на три неравных периода: первый, когда она под руководством Андрея Тарханова возникла и привлекла к себе внимание центра, второй, озаглавленный руководством Николая Коняева и третий, когда её возглавила Ирина Рябий. Последний период слишком короток и, наверное, им можно пренебречь.

Меня всегда волновали дела писательской организации. При мне она создавалась, причем за несколько лет с помощью спонсоров удалось построить Дом писателей – результат, который по-моему превзошли только в Санкт-Петербурге, Уфе, Екатеринбурге и где-то на Кавказе.

Было нас тогда несколько человек, основной труд лежал на плечах Андрея Семеновича. Он и книгоиздательскими делами заведовал и с производственниками общался, и совещания собирал и сам по всему округу ездил.

Писателей, которые живут на доходы от писательского труда – профессиональных писателей в полном значении слова нынче крайне мало. Из моих знакомых я бы мог назвать три-четыре имени. Большинство вынуждены совмещать творческую деятельность с обычной работой. Как с иронией говорил В. В. Маяковский: «Землю попашут – попишут стихи!» Свойство это заставляет писателей относиться друг к другу сердечно, а членство в союзе ценить очень высоко.

Наше писательское отделение жило дружно. Мы были открыты и для других писателей, постепенно количество чле-

нов росло и остановилось где-то на 19. Второй период в жизни организации связан с тем, что самостоятельность была резко ограничена. Ликвидировали фонд помощи писателей, закончили со строительством.

Перечислять дела, которые были сделаны во втором периоде жизни организации, значит занять немало места в статье. Это и регулярный выпуск литературно-художественного альманаха «Эринтур» и газеты «Литературная Югра», и ежегодные писательские совещания, и семинары молодых литераторов, и выездные мероприятия в Сургуте, Федоровском, Нижневартовске, Мегионе, Излучинске. Огорчало лишь то, что альманах, в силу юридических заморочек запрещено было распространять и продавать, финансирование Дома писателей было крайне скудным а годовой бюджет организации скукожился до месячного заработка хорошего нефтяника. Но ежегодные совещания писателей давали возможность не потеряться, чувствовать себя сопричастным русской литературе, ведь редкие публикации ограниченные тиражи, да и сам характер литературного труда, располагающий к одиночеству служат этому изрядной помехой.

Понятно, когда Николай Иванович начал работу, он старался опираться на вновь принятых в отделение писателей, часть из которых перешли вместе с ним из Тюменской писательской организации.

К сожалению, среди них нашлись люди, которые говорили обо мне ответственному секретарю не самые лестные вещи.

По простоте душевной он сам открыл мне внушенные ими страхи пред моими несуществующими интригами. Доверительной совместной работы так и не получилось. Тем не менее, считаю, что Сургут в это время был представлен достойно. Не зря именно тогда организация пополнилась большим количеством сургутян, которым должен был давать рекомендации ваш покорный слуга, причём проходили они и тайное голосование и последующее утверждение в Москве. А ведь ни одну рекомендацию не пришлось отзывать.

В последние годы наша писательская организация выросла чуть ли не вдвое. Значимым для неё было вступление Дмитрия Мизгулина, директора Ханты-Мансийского банка, замечательного поэта, стихи которого многие заслуженно высоко ценят. Честно говоря, в душе затрепыхалась надежда на какие подвижки в нашей писательской жизни. Рано пташечка запела.

Вот уже два года подряд в округе не находится денег на проведение писательского совещания. Три года сургутские писатели не знают нового высокопоставленного товарища в лицо.

Что ж, будем приглядываться друг к другу через интернет. Но говорить о товарищах по литературному цеху, общаясь с ними так редко – неблагоприятная затея. Лучше расскажу о себе.

На что я рассчитывал, вступая в Союз писателей России? Во-первых, на то, что получу возможность посвятить

себя целиком любимому литературному делу, а не работать на производстве, как это было тогда положено по закону. Во-вторых, рассчитывал на помощь критики в оценке собственных творений. В-третьих, я узнал, что имею право на дополнительную жилплощадь, положенную по тогдашним законам каждому писателю для размещения библиотеки.

Первого от Союза писателей я не получил. На заре перестройки, когда я работал в фирме «Сиборггазстрой» оператором газовой установки, мне удалось добиться на работе идеального графика: четырехдневной рабочей недели с тремя выходными днями. Если учесть, что профессия оператора не слишком загружает голову и во внерабочее время не приходится сильно заботиться о том, что творится на рабочем месте, то ясно почему за два года мне удалось полностью подготовить к изданию первую книгу «Созвездье фар».

Но в последующем участок, на котором я работал, прекратил существование. Попытки жить литературным трудом не увенчались успехом. Издательство, редакция журнала, в которых пришлось работать существовали недолго. А выступления в детских садах и школах округа, на которые я вначале очень рассчитывал, давали всё меньше по простой причине: детей с каждым годом становилось меньше, детские садики один за другим закрывались. В Сургуте их количество уменьшилось втрое. Пришлось устраиваться на работу на почту, а потом к нефтяникам.

Критическая статья, которую обещал написать о мо-

ем творчестве ханты-мансиец Колмогоров, была начата в 2007 году, но так и осталась не дописанной. Прошлась по моему творчеству критическим пером Алла Цукор. Других писательских ориентиров дожидаться так и не пришлось.

Расширить квартиру тоже не вышло. Дети незаметно выросли и разъехались, сложилась новая семья, которой старой «двушки» моспроекта с трудом, но хватало. И это всё? Но что-то же я получил от этого членства?

Да, в первые годы существования организации получил справку полномочного представителя организации в Сургуте, которая давала возможность обращаться за помощью к спонсорам в качестве официального лица. Потом на мое имя пришло несколько денежных переводов. Это была материальная помощь фонда организованного А. С. Тархановым.

Администрация города в лице председателя Департамента по культуре и спорту Черняка выделила мне немного денег на поддержание сайта «Поэзия земли Югорской». В то время я работал инженером в федеральной службе связи, могу сказать, что тогда эта сумма равнялась двухмесячной зарплате почтового работника.

Звание члена СП России позволило найти спонсоров на книги. На это бы и полугодового заработка не хватило. Тут потребовалось столько, что на почте мне пришлось бы зарабатывать не менее пяти лет.

Кроме того многие годы позволено было раз в неделю собирать литературное объединение в Доме Журналистов

на территории комплекса «Старый Сургут». Когда необходимым оказалось доработать до пенсии, статус члена СП помог мне найти поддержку в администрации «Сургутнефтегаза» в лице заместителя управляющего по кадрам В. В. Кононова.

Наконец, выйдя на пенсию, пользуюсь помощью окружной думы. Администрация города помогла организовать 50-летний и 55-летний юбилей. Кажется, ничего не забыл.

Жаловаться, как видите не на что. Гордиться тоже особенно нечем. По правде говоря, материальные запросы волновали меня меньше всего. Живу как все, ну и ладно. Лишь бы свободно заниматься творчеством, вести литературное общение с себе подобными, учиться у кого-то, а кого-то и наставить на путь истинный. Рано или поздно художественное творчество, если оно находится на высоком уровне, будет всё-таки востребовано, не вакууме живём, будет и на нашей улице праздник, думал я. Тем более подобные настроения подогревало развитие интернета, которое позволило, вроде бы, обратиться к читателю напрямую, минуя библиотеки и книжные магазины.

Для прямого выхода на читателя была создана страница «Сотворение мира», поддерживаю «Литобуч», «Северный огонек», «Фломастеры», пишу в «Литсовет», «Стихи.ру», «Проза.ру», много лет веду литературное редактирование страницы «Поэзия земли Югорской».

В нашей писательской организации пока подобной интер-

нет-активности не наблюдается. Но разве это реальный инструмент увеличения числа читателей? Что значат несколько тысяч читателей из которых только десятки являются постоянными? По сравнению с возможной русской и русскоязычной читательской аудиторией – капля в море.

Впрочем, что это я всё о себе да о себе. В подобной ситуации находятся тысячи русских и русскоязычных писателей. Я полагаю, что в бывших союзных республиках, которые стали ныне ближним зарубежьем, дела писателей идут ещё хуже.

Нет, мне не приходилось сталкиваться с душещипательными трагедиями, историями неожиданных падений, даже самоубийц среди знакомых писателей нет, но десятилетиями приходится наблюдать практически нулевой рост творческих достижений. Ни громких имён, ни звучных названий, ни экранизаций, ни популярных песен. Без читателя писатель мертв.

Хорошо еще, что местная общественность порой составляет замену широкой аудитории. Принимают авторов библиотеки, школы, некоторые учреждения. Изредка даже по местному телевидению проходит информация об «интересном человеке». Можно ли это назвать полноценным литературным процессом, как это было принято при социализме, я не знаю. Скорее всё это напоминает обычную художественную самодеятельность.

Причём, нет никаких надежд на какое-либо улучшение

или изменение ситуации в пользу писателя. Капитализм враждебен поэзии не потому, что так сказали классики марксизма-ленинизма. Посудите сами, оглянувшись вокруг: разве есть интерес у богатых людей выбрасывать деньги на ветер? Ветер враг того, кто держит бумажные деньги в руках. Нужда поэта в материальном обеспечении его нематериального дара пугает обывателя страшней урагана. Поэты? Уж лучше как-нибудь, но без них.

Интернет, открывший якобы неограниченную свободу слова делает богатыми провайдеров, даёт работу программистам, системным администраторам, менеджерам по продаже компьютеров. Но ни одному поэту, насколько мне известно, он пока не дал ни рубля.

Можно, конечно, помечтать о том времени, когда провайдеры спохватятся: падает выручка из-за растущего отказа пользователей от интернетовской прозы, надо стимулировать писателей, чтобы враз повысили уровень мастерства. Но такой поворот надо воспринимать со здоровой долей иронии.

Лучше мечтать об изменении общественно-исторических условий вообще. Возможно именно русским писателям суждено быть востребованными в условиях грядущего мирового социализма. Ну, не погибнуть же человечеству оттого, что кто-то не хочет расстаться с сундуком, а то и подвалом золота! Кризис капитализма неуклонно продолжает раскрывать на это глаза миллионам. А рецессия ползёт и ползёт. Не до-

жить нам до нового расцвета капитализма! Ирония истории в том, что Великая Октябрьская социалистическая революция, несмотря на свою выявленную перестройкой и реформами ничтожность, будет еще более великой, с самой огромной буквы «В»!

Лично я в этом убеждён капитально, с помощью батюшки-капитализма, который на моих глазах вытворяет такое, что всю мою жизнь и в кошмарном сне не могло присниться.

В память о писателе (о Н. П. Смирнове)

Я познакомился с Николаем Павловичем Смирновым в начале 90-х годов. Мой литературный учитель Андрей Тарханов отрекомендовал его мне как известного публициста, обладающего неутомимой энергией. Поскольку речь шла о литературной деятельности, о замысле создания писательской организации, все эти качества были как нельзя кстати.

При личной встрече Николай Павлович произвёл впечатление личности пытливой, но деликатной. Он не походил на шустрого и въедливого журналиста, хотя и окончил в свое время факультет журналистики Уральского государственного университета. Внешность у него была простая и своя, помнится его худощавая фигура в мягком пиджаке, подчёркивающим изрядную сутулость, вечная «Беломорина» и привычка слегка задумываться после получения ответа на какой-то вопрос.

Лицо у него было обычное, правильное, с крупным носом и небольшими внимательными глазами, аккуратно подстриженные усики вовсе не придавали ему вида сердцееда. Вообще, к женскому полу он, казалось, был равнодушен. Не беспокоила его и литературная слава.

Николай Павлович покорял преданностью профессиональной литературной деятельности. В то время как большинство писателей вынуждены были проститься с надеждой жить на доходы от литературного заработка, начали писать «в стол», и горевали, ожидая помощи от Союза писателей, он продолжал писать и публиковаться.

Не очень счастливый в семейной жизни, он в то время разъехался с женой: она с детьми обосновалась в Тюмени, а он в Нижневартовске. Правда, «зелёного змия» в этом винить нельзя, так как Николай Павлович был трезвенником. Курил он много, предпочитая «Беломорканал» любому другому табаку.

Писатель охотно пользовался преимуществами в выбранном им стиле публицистики. Его публицистика легко находила сторонников среди управленцев высшего звена. Руководители понимали, что история так или иначе пишется людьми, и именно такой человек, кропотливо и спокойно создающий современную летопись, оказался перед ними.

Смирнов легко знакомился с директорами, начальниками, управляющими многочисленных производственных подразделений нефтяного Приобья, легко договаривался

с ними о материальной помощи и даже выражал удивление, что мало кто из сибирских писателей следует его примеру.

Николай Павлович не однажды приезжал в Сургут и, позвонив, находил ночлег в моём доме. Как-то раз из Нижневартовска он приехал на своей автомашине. Машина была светлого цвета, отечественная, кажется, «Жигули».

Боже мой, что это был за водитель, такие чудачки, наверное, встречаются только среди поэтов! Во-первых ехал он предельно осторожно, такое ощущение, что сел за руль впервые и не знает ещё, что, собственно, делать, со всеми этими рычагами управления, рулевым колесом и как приводить их во взаимодействие. Во-вторых, удивление вызвал и занимающий половину салона предмет садового инвентаря, с которым он проехал весь многокилометровый путь. Это были огромные грабли с очень длинным черенком и металлической частью, заботливо укутанной в белую мешковину. Они лежали по диагонали, протянувшись от места рядом с водителем до места за ним.

Но все недостающие элементы надёжного водителя испугало невозмутимейшее спокойствие, которое, казалось, пронизывало Смирнова с головы до пят. Конечно, я не стал спрашивать Николая Павловича о предназначении граблей в этой поездке. Мы доехали до городского рынка, поставили машину на стоянку и пешком отправились домой.

Наши отношения складывались не только как дружеские. Было время, когда мне пришлось писать внутреннюю ре-

цензию на его книжку стихотворений для детей «Записки из Лукоморья». Тогда я работал редактором издательства «Северный дом». К сожалению, на мой взгляд, не все стихи, представленные в рукописи, были высокого уровня. В ответ на предложения по её изменению в издательство пришла возмущённая телеграмма. Рукопись он потребовал вернуть и напечатал её впоследствии в другом месте.

Потом гнев оскорблённого автора утих, и событие это никак не сказалось на нашем взаимном расположении друг к другу. Мы обменивались новыми книгами, переписывались и перезванивались. Только СМС-ки отправлять он так и не научился. Нечастые встречи (а встречались мы в основном на ежегодных писательских совещаниях в Ханты-Мансийске) искупались теплотой общения, взаимным интересом к публикациям и делам друг друга.

Николай Павлович, по моему разумению, был типичным советским интеллигентом, честным, порядочным, не чуждым романтики, и в то же время слегка анархичным. Неприятие вызывали у него снобизм и высокомерие, от кого бы они ни исходили. В литературных кругах он занимал позицию независимую, выступал открыто и прямо.

Он живо интересовался деятельностью сургутского городского литературного объединения «Северный огонек», которым я тогда руководил, через которое прошла целая плеяда известных югорских писателей, таких как Дмитрий Сергеев, Михаил Антохин, Георгий Ешимов, Олег Никулин, Олег

Рихтер, покойный Петр Суханов.

Сургут всегда подавал пример Нижневартовску и в количестве писателей и в буйной пестроте литературной жизни, хотя в Нижневартовске существует и успешно работает литературное объединение «Замысел», руководимое классиком югорской прозы Маргаритой Анисимковой, жили известные югорские писатели Еремей Айпин и Владимир Мазин.

Последние годы Николай Павлович тоже решил заняться подготовкой писательской смены. Он организовал Содружество нижневартовских писателей, стал выпускать газету «Литературный Нижневартовск», с его подачи Содружество основало городской литературный музей, учредило премию им. К. Гарновского, стало организовывать выступления начинающих писателей перед читателями, в том числе с выездом в Излучинск, Мегион, Сургут, другие поселки и города.

Николай Павлович задумал многотомный труд, в котором отражалась бы история последнего времени. В одном из последних томов он собирался написать о жизни самих писателей, не знаю, удалось ли ему приступить к этой задаче.

Умер Смирнов в творческой поездке. Сердце неравнодушного человека остановилось. Так уходят многие. Флегонт Показаньев, сургутский краевед, взявшись за сердце, прервал выступление перед слушателями в библиотеке. На взлёте, едва начав литературную деятельность, почил Амирсеит Даутбеков, ученик Николая Павловича. И вот он сам ушёл, как говорится, «Не докурив последней папиры».

сы...».

Николай Павлович Смирнов был членом Союза журналистов России, лауреатом многих окружных, областных и российских литературных конкурсов. Он был награждён медалью имени Шолохова «За заслуги в области литературы и воспитания молодежи», получил премию имени Мамина-Сибиряка.

Осиротели начинающие писатели Нижневартовска, бывшие у него под защитой, скорбят знавшие его собраты по перу. Настала пора пересмотреть свои позиции и тем, кто неоднократно воспринимал его энергию, перенося эти отношения и на его литературное творчество. Сделано же Смирновым достаточно, чтобы гордиться им как современником и гражданином.

Характер писательницы (О М. К. Анисимковой)

Я много раз встречался с Маргаритой Кузьминичной Анисимковой на семинарах молодых писателей и мероприятиях писательской организации. Как прозаики, так и поэты относились к ней с явным почтением. В ней всегда светилося какое-то достоинство, почти аристократизм. Её чуть грузноватая фигура пленяла скромностью. Маргарита Кузьминична удивляла постоянной и ровной доброжелательностью к шумной и не всегда умеренной писательской братии.

Анисимкову отличала какая-то особая безмятежность, которую нельзя было объяснить только солидностью постов в руководстве нефтяного края, занимаемых ею прежде того, как она стала известной писательницей.

В туалетах этой югорчанки всегда присутствовали меха, иногда лишь кусочек соболя или полоска норки. Это был фирменный стиль северянки.

Романы и повести выходили из под её пера с завидной регулярностью. По сургутскому местному радио часто можно было слышать отрывки из её прозы в исполнении чтецов-декламаторов или артистов. Меня как филолога занимала гендерная сторона её творчества. Особенно ярко, на мой взгляд, она проявилась в её романе «Наледь».

По сюжету в сибирское село забредает отряд белых, которые реквизируют лошадей у крестьян, и, поскольку, в сёдлах обнаруживается нехватка, подчистую выбирают половики у женской части поселения. Тот факт, что половики служат всадникам вместо сёдел, оказывается сюжетообразующим, о нём писательница упоминает несколько раз. На мой взгляд, ни у одного писателя мужского пола подобного не могло бы быть в принципе. Таков гендерный фактор в литературе.

Работая в журнале «Югра», я с интересом обнаружил, что Маргарита Кузьминична ещё в самом начале творчества обратилась к теме мифологии лозьвинских манси. Она работала над книгой «Мансийские сказы», затем над текстом эпоса «Янгал Маа». Неудивительно, что её увлекала эта тема,

о художественных достоинствах мансийских преданий писали многие. Сам я, столкнувшись с пересказом легенды о богатыре Танье, который публиковался в нескольких номерах «Югры» был очарован волнующей гармонией сюжета и волшебных деталей легенды. Обычный школьный учитель Селин сделал пересказ по памяти, переведя на русский, но даже на другом языке замечательная легенда потрясала могучей первобытной красотой героев и героинь.

В дальнейшем Анисимкова в прозаическом творчестве очень свободно использовала местный материал. Именно она познакомила широкого читателя с национальным героем ненецкого народа Ваули, с судьбой дочери знаменитого берёзовского ссыльного светлейшего князя Александра Меншикова.

Помнится писательское совещание 1997 года в Ханты-Мансийске. Это было ещё при Анне Митрофановне Коньковой и Евгении Федоровиче Вдовенко. Тогда Маргарита Кузьминична перешла в нашу организацию Союза писателей из Тюменской. Потом мы встречались с ней на конференции АСПУР в Нижневартовске в ноябре 2008 года. Анисимкова всегда была открыта к общению.

Маргарита Кузьминична не замыкалась в творческой башне, щедро делилась приёмами писательского мастерства в нижневартовском ЛИТО «Замысел». Под крылом ЛИТО мало-помалу выросла целая плеяда нижневартовских авторов.

Писательница была совсем не чужда нового. По крайней мере [персональный сайт](#) в интернете появился у неё одним из первых. 17 декабря 2008 г. я сделал запись в гостевой книге сайта, где высказал впечатление о графическом и музыкальном оформлении. Романс «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Штоколова звучал как заставка мощно и романтично.

До этого я с удовольствием знакомил окружного пользователя с отрывками из её прозы на интернет-странице «Поэзия земли Югорской». Считаю, что, к сожалению, мало писал о Маргарите Кузьминичне, но всегда бесконечно уважал её за великодушный характер и понимание. Конечно, с её уходом писательская организация потеряла многое, может быть, даже невосполнимое.

От мечты до прорехи

Поэта Петра Суханова я знал на протяжении жизни в Сургуте, то есть около тридцати лет. Мы познакомились на одной из встреч в литературном объединении «Северный огонек», которое работало при газете «К победе Коммунизма» в конце семидесятых.

Помню кражистую фигуру Петра в унтах, овчинном полушубке и собачьей шапке, светло-карие глаза с лукавым проблиском, неповторимое придыхание, которое отличало его мужественный баритон. Он представился водителем, прочи-

тал стихи. Суханов частенько приезжал к заседанию на оранжевой «Татре». Рядом с одноэтажным зданием редакции на улице Просвещения она казалась громадной. Стихи, которые читал Петр, были в основном посвящены любви и, как тогда говорили, трудовой романтике будней. «Магистралы», «километры» и «кубари» несуетно ворочались в его степенной «производственной» лирике.

В литературном объединении Пётр с самого начала держался чуть особняком. Старше всех по возрасту, выделялся татуировкой на тыльных сторонах мосластых кистей рук. О прошлом Петра мы знали немного. То, что он родом из Прибалтики, будучи подростком побывал в колонии, был женат, разведён, снова женат, жену зовут Людмила, она с Кавказа, вот, вроде, и всё. Петр любил грубоватый юмор, солёную шутку, иногда не стеснялся обыграть чью-то фамилию, возраст, физическую особенность. Основную оценку личности мы выводили тогда прежде всего по стихам. Что-то исподволь вызывало недоумение, когда он читал строки.

*Мне пахать бы и сеять,
И упасть у межи
Но на Север, на Север
Вырывается жизнь...*

Казалось, в них есть что-то нарочито-несерьёзное. Мне было не очень ясно почему, если хочется человеку «пахать и сеять», не делать это свободно у себя дома, не любоваться

васильками родных полей, а «вырываться» на Север и «пахать» на Севере. И вообще, о какой меже шла речь? В то время по всей России колхозные трактора распахивали даже промежутки между дорогой и лесопосадкой, не оставляя ни клочка целины. Но стихи звучные, легко запоминались наизусть. Петр писал:

*Удивляюсь,
Вечно удивляюсь
Красоте и мужеству добра!..*

Мы все вместе с ним удивлялись, как просто и хорошо сказано. В основном поэтика сухановской лирики совпадала с поэтикой социалистического реализма. Он не писал стихов, прославляющих комсомол и партию, но этого никто и не требовал.

В октябре 1978 года новички «Северного огонька» поехали в Ханты-Мансийск, на семинар молодых литераторов. Ханты-Мансийск тогда больше походил на деревню. Деревянные тротуары, клюква и оленина в столовой, гостиница, более похожая на дом заезжих. Добирались Обью на «Метеоре», любуясь просторами берегов, полётом чаек и диких уток.

На семинаре Петру удалось доказать свою состоятельность, мало того, на его стихи о Невском пятачке, о героях Великой отечественной войны обратили внимание московские руководители семинара, которые и дали ему рекомен-

дацию в литературный институт.

*Вздрагиваю каждым нервом,
Будто бы предчувствуя беду...
Сорок первый
По моим артериям
Мечется,
Как раненый в бреду!*

и далее:

*Сорок первый
Тысячами ружей
Сквозь года
Уставился в меня.*

Честно говоря, гиперболическое «вздрагивание каждым нервом» не вызывало у меня особого доверия, сама фигура поэта была далека от какого-либо выражения повышенной чувствительности. Но лирический напор, тон заданный первой строкой был выдержан во всём произведении, а произведения военной лирики пользовалось у слушателей неизменным успехом.

Сильно прозвучала тогда баллада Петра «Нефтепровод», в которой он ярко высказался о рабочем классе:

*Удел всесильных —
Крутить рули!*

*На наших спинах
Вся соль земли!*

В творчестве на него оказали большое влияние, по его словам, литинститутские наставники Владимир Фирсов и Егор Исаев.

*Всё прекрасно на земле,
Если люди вместе.
Всё прекрасно:
Труд и честь,
И любовь к отчизне!..
В этом мире нет чудес
Кроме жизни.*

Петр очень хорошо отзывался о Маяковском, Блоке, любил Есенина, Рубцова, постепенно у него возник свой стиль, охарактеризовать который можно было бы одним – нагнетание противопоставлений. «Мне радостно и грустно...», «Хорошо / Живётся мне, / Оттого / И плачу», писал Петр, подобные антитезы сухановской поэтики воспринимались на слух очень чётко.

Иногда он не замечал, что противоречия захлестывают стихи до абсурда. Например, если в одном стихотворении он мог пообещать женщине:

*И если я
От радости заплачу —*

*Ты не заплачешь с горя
Никогда.
«О, если б знать...»*

то на следующей странице напрочь отказывал ей в доверии:

*Но женщине, которая не плачет,
Я не поверю в жизни никогда.
«Какая бы ни выпала удача...»*

Получалось, что обещание одарить счастьем, данное «плачущим от радости» лирическим героем любимой женщине, полностью обесценивается недоверием к ней же именно по той причине, которая делает её счастливой. Впрочем, многие поэтические приёмы применялись автором вполне удачно. Выразительно, как у Евтушенко, звучала сухановская аллитерация.

*Мы курьеры карьеров
Гладиаторы трасс
Не машины, а звери
Под руками у нас.*

Сухановская лирика оставалась пронизана тягой к философскому обобщению переживаемых им чувств. Он часто и продуктивно обращался к понятиям «время», «жизнь», «судьба». Не зря в первых книгах у него звучало как заклин-

вание:

*Пусть всё доброе
Будет вечным
Жизнь прекрасной,
Недолгой грусть.
Всё насыщенное
Человечней
Будет пусть.*

Петр работал в автобазе, неплохо зарабатывал. Довольно скоро его семья получила двухкомнатную квартиру в том же квартале, где жил я, через дом от моего. Мы иногда бывали друг у друга в гостях. Так вышло, что на небольшой территории 14-го микрорайона поселилось несколько будущих писателей.

Суханов учился в литературном институте имени Горького заочно. Гегель и Николай Кузанский появились у него в домашней библиотеке. Петр занял одно из первых мест в поэтическом конкурсе журнала «Смена», его стихотворение «Вздрагиваю каждым нервом...» опубликовано в журнале «Коммунист». В 1984 году в Свердловске вышла его книга «Встреча». О первой книжке «Время первых признаний», вышедшей двумя годами ранее под редакцией А. Вершинского, он обычно говорил мало, может быть, смущаясь того, что её содержание почти целиком перекачало во вторую. В семье Петра появились две дочери, он перестал посещать

литературное объединение.

Однажды я попросил у Петра помощи. Ко мне из Уфы должна была приехать мама. Её надо было встречать на железнодорожном вокзале поздно вечером. А Суханов тогда водил «Газик», работая личным водителем то ли тестя (начальника одного из сургутских строительных управлений), то ли другого какого-то начальника.

Петр охотно согласился. Он ждал меня в кабине автомобиля у дома на улице 50 лет ВЛКСМ. По дороге Петр рассказал мне, что немного обеспокоен тем, как поведёт себя радиатор. Днём он обнаружил протечку и по совету бывалых водителей, засыпал в воду горчицы. Горчица должна была закупорить место протечки и решить проблему.

Пока мы ехали до вокзала, всё шло нормально. Припарковались у здания администрации вокзала. Я встретил поезд и мы с мамой поспешили на площадь к машине.

Живописная картина ожидала нас. Пока я ходил на перрон, радиатор взорвался. Вся кабина изнутри, включая стекла, сам водитель – заляпаны рыжими пятнами. Жутко пахло горчицей.

Общими усилиями мы отёрли, как могли, внутренность салона, долили в радиатор свежей воды и благополучно доехали до дома.

Поддержки читателей, сургутской общественности и администрации, тюменских и московских писателей Петр Суханов не терял и в последующие годы. Через два года после

выхода «Встречи», вышла третья книга: «Миры и меры», рецензентом которой указан В. Фирсов.

*Всё – до последней рубахи —
Отдам
За отеческий флаг.*

заявлял поэт на 7-й странице. Он воспевал свободу передвижения:

*Экономлю жизнь —
Летаю самолётами!..
И всегда, пожалуй, как во сне,
Радуюсь
Земле
между полётами —
Будто бы люблю на стороне!..*

Правда, третьей книгой Петр был недоволен. Она казалась ему неудачной. Чувствовалось, что он находится в некотором недоумении. Бывает так, что автор не совсем понимает что делать дальше, на каких принципах строить следующую книгу, короче, зря теряет время.

В «Миры и меры» опять попали многие стихотворения первой книги, а новые стихотворные заявления не производили впечатления чересчур оптимистичных.

Скоропалительное время,

*Неуловимые года!
Как незаметно мы стареем
Кто от любви,
Кто от стыда...
Но грустью душу не мозоля,
И жизнью землю не черня,
Я даже в мыслях не позволю
Невзгодам
изменить
меня!*

Ощущение времени как вывода, как приговора, («ско-ропалительное»), и жизни, которая может отказаться чернее земли, новое отношение к грусти, которая может «мозолить» (!) душу выдавали серьёзность переживаемых им проблем. Далеко не всё выглядело гладким в новых «мирах» Петра, хотя внешне он не показывал вида. Для меня в те годы Суханов оставался бодрячком, готовым любой вопрос разрешить за «рюмкой чая». Он продолжил делать решительные заявления, но в издании книг наступила почти десятилетняя пауза.

Девяностые годы – годы перестройки начались не без активного участия Петра Суханова в общественной жизни. Он резко высказался против поддержки ГКЧП, в адрес которого Андрей Тарханов послал приветственную телеграмму от писателей округа, в том числе и сургутян.

В 90-е годы сургутские писатели заморочились невесть

откуда взявшейся «свободой слова». Все носились с идеями примерно одного плана: издать собственную книгу, продать и, разбогатев, получить независимость от всех, либо начать издавать собственную газету с такой же окончательной целью.

В ходе подготовки к выпуску газеты «Сургут литературный» мне пришлось тесно столкнуться с Петром.

Помню, мы встретились с ним на квартире Олега Рихтера, взявшего на себя обеспечение технической стороны издания. У него дома стояла стоившая огромные деньги копировальная машина «РИКО», на которой он, не выпуская из рта сигарету «Лайка», готовил выпуски анекдотов, брошюры каких-то дефицитных финансовых постановлений, детективы, собственные рассказы и стихи.

В одной из брошюр опубликовано едва ли не лучшее лирическое стихотворение Петра:

*А я люблю предсумрачную свежесть,
Когда под осень, полную огня
Какая-то безудержная нежность
Находит запоздало на меня
Мне кажутся печальными деревья,
Дома и люди кажутся добрей...
И хочется
Уехать мне в деревню,
Где грусть и хлеб
Растут возле дверей.*

«А я люблю предсумрачную свежесть...»

Пришёл Петр. Раздеваясь, он вынул из под свитера небольшой мельхиоровый поднос. На мой удивленный вопрос ответил, что носит его на животе за неимением бронежилета. Времена были на самом деле беспокойные, так что такое применение подноса понятно. Петр принес рукопись новых стихотворений, какой-то рассказ и мы несколько часов обсуждали будущую газету.

Потом он поддержал начавшееся возрождение сургутского казачества. Был выбран атаманом сургутского казачьего круга, ходил какое-то время в мундире с погонями и двумя крестами. Но бойкие сургутские казаки не долго оставались под началом поэта, после одного из собраний вместо Петра атаманом избрали другого. Принимал участие Пётр и в акциях общественного протеста, когда возникла полемика по поводу возможного строительства в черте города химического комбината.

Вскоре Суханов вновь почувствовал себя «на коне» как поэт. В 1995 году вышла его долгожданная книга «Площадь света», которая получила широкую поддержку сургутских и ханты-мансийских журналистов. Тюменский критик Юрий Мешков положительно отзывался о творчестве поэта в газете «Тюменская правда». Книги делались толще, выпускались уже в твёрдых обложках. Несколько стихотворений Петра Суханова вошли в Хрестоматию «Литература Тюмен-

ского края» вышедшую в Тюмени в 1996 году. К сожалению, на фоне этого успеха в отношении Петра к начинающим авторам и читателям стало появляться некоторое высокомерие. Рабочая романтика то временно исчезала, то вновь возникала в его книгах, хотя, казалось, он перешёл к натур-философскому осмыслению действительности. В Сургут иногда приезжали его знакомые по литературному институту, на ежегодных семинарах молодых литераторов его уже выдвигали в руководители секции поэзии.

Петр, несмотря на характер, умел поддерживать хорошие отношения с отделом культуры администрации города, с мэром города Александром Сидоровым.

В 1997 году вышла новая большая книга Суханова «Высшая мера». Конечно, два года – слишком мало, для того, чтобы наполнить книгу такого объёма достойным содержанием. Видимо поэтому, наряду с прекрасными строками у него стало всё больше появляться невнятных, грубых оборотов. В то время в моде было покаяние. Суханов каялся и цитатой из Есенина, и от своего имени, как будто в этом покаяние и есть настоящий смысл поэзии. Но в промежутке между искренними покаянными словами мог заявить: «Я столько глупостей наделал, / что не прошу себя... / И вас.» К явной нелепости привела его попытка вторично использовать успех стихотворения «Вздрагиваю каждым нервом...»

Потрясение

*Вскакиваю на каждый шорох...
Как тяжело больной,
рву, как бинты, нервы —
в которых
трепещется образ... Твой!*

Его лирический герой повел нескончаемый разговор с женщиной, с которой был связан кратковременной навязчивой страстью. Стихи посвящались самым разным женщинам, слово «любовь» Петр понимал далеко не платонически, поэтому диалог оказывался довольно скудным.

*...не мучаясь в изменах
И день,
И ночь
Без лишних фраз»!..
Любить при всяких переменах!..
Любить всюю!
Во всём!
Сейчас!..
«Клятва»*

Некоторые стихи даже поражали грубым натурализмом. «А я люблю, когда люблю, / Когда при женщине как в бане, / когда лежишь с ней на диване...» или «В моей стране талантов – натюрморт, / Но каждый сыт своей женой и кашей...» Любимые антитезы Петра порой стали выражать ба-

нальность: «Утратив правду, мы приобретаем ложь...»

Программным можно назвать стихотворение «Эпилог», почему-то помещенное в середину книги. Но даже оно начиналось резко:

*Мы все начинали с затрецин,
и мало кто знал о любви...
А что до ошибок
и женицин —
у каждого были. Свои.*

В этом стихотворении образ «Октябрьской выюги» «на лезвиях красных штыков» мало прояснил его позицию по отношению к современной политике. Грубый материализм стал основным содержанием его творчества. Неудачными по признанию самого поэта вышли его басни для взрослых «В мире животных», вышедшие в 1998 году. Большинство басен написаны в тяжелом для понимания рваном стиле. Затем в свет вышла книжка «Про колобка и красавицу Бабу Ягу, или Шедевральное приключение Колобка во времени. Сказка для взрослых», тоже не нашедшая успеха ни у критиков, ни у читателей.

В личной жизни Петра тоже не всё было ровно. Он на какое-то время уехал в Тюмень, но пожив там недолго, снова вернулся в Сургут. Пережил ещё один развод, женился ещё раз.

Последующие книги «Завороть», «Разнолетье», казалось,

продолжили обычные темы Суханова. Но самыми светлыми в них опять оказались перепечатанные из первой книги юношеские стихи. «Кто говорит, что нет героев – / тот никогда не станет им» резонно, афористично говорил Петр в стихотворении «Сибирякам». Он тепло писал о Сургуте, сургутянах. Всё же настоящих героев у него в стихах почти не появлялось, некоторые стихи посвящены реальным людям, но, как правило, им посвящался только эпитафия, и напротив, в его поэзии действовало всё больше героев социального дна: «Как много в нас фарса и фальши / расписанных на трудодни!..» («Корни»), «Он жил отвратительно тихо, / Любил только то, что имел» («Про мужика»), возникали то образ бомжа, то «Бабы Вали», живущей на вокзале.

Он признавался в том, что не может расстаться с прошедшей эпохой:

*Я привязан к другой эпохе —
к той, где сделан был
первый шаг!..
В ней – великой или ничтожной,
но сумевшей весь мир спасти,
я застрял, словно крест придорожный
у себя самого на пути!
«Мера длины»*

С горечью и отчаяньем писал в стихотворение «Встреча с двенадцатую» о любимом им некогда Александре Блоке.

– Эй, товарищи!.. Мир
далеко?..
– Да не видно отсюда... Далече...
И, как призраки, скрылись легко —
словно вовсе и не было встречи.
Я кричал на пустом берегу,
как птенец, оборвавшийся с ветки...
А когда рассвело – на снегу
отпечатались
нервные
клетки.

И в тоже время на грани между горькой иронией и глумлением звучали его стихи о демонтаже памятника Ленину в Ханты-Мансийске:

тени, исчадья, гнилые пути!..
А впереди ковыляет устало —
двадцатитонный Ильич...
Впереди!..

Кажется, в некоторых стихотворениях у него окончательно пропадало чувство слова. Вот образцы такого письма:

С большим трудом
и страшным нервным скрипом
я думаю...

Или

*Мы в каждом глобусе —
как в морге
А в морге — как в дыре Земли!..*

Но всё-таки прозрения не оставляли Суханова и, наряду с явными пошлостями, он отваживался на глубокое постижение действительности хотя бы в самооценке:

*А если мир весь равен бытию
и разнозначны лишь разноречья —
зачем я заблуждаюсь, что люблю,
И в чем мое ничтожное величье?..
«Кручина»*

В одном из стихотворений Петр не остановился перед тем, чтобы провозвестить грядущую революцию.

*Мы во власти блаженного искуса:
— Всё моё!..
Нам и Бог не судья...
Но доносится сверху: — А выкуси!..
И — опять впереди
революция...
«Тема»*

В последние годы перед кончиной Суханов склонялся к приятию идей Солженицина, об этом говорят и названия его книг – неологизмы «Завороть», «Разнолетья» и странные окказионализмы «Похлёб», «...Безвызвездье...». В поздние годы, казалось, даже в выборе одежды старался подчеркнуть сходство с ним, одевался в какие-то нарочито упрощенные френчи и куртки, как у заключенных.

Шестидесятилетний юбилей поэта праздновали в центральной библиотеке Сургута. Перед его проведением было немало волнений. Боялись, что Петр Антонович вновь поведёт себя высокомерно, а то и начнёт скандал, но встреча прошла на удивление ровно.

Петр Суханов скончался в 2008 году после болезни. После его смерти остались рукописи, часть которых вошла в «Избранное», вышедшее в этом году. Сухановская лирика до сих пор находит активную поддержку. Составителем и автором предисловия к «Избранному» стал член СП России, профессор, критик-шолоховед Юрий Дворяшин.

21.02.2012 г.

Романтик с Мелик-Карамова* **(О творчестве Георгия Ешимова)**

Я познакомился с Георгием Карожановичем в 1997 году

на одном из этажей редакции «Сургутской трибуны», что по ул. Маяковского. Ешимов прислал стихи, среди которых обращали на себя внимание следующие строки:

*Шмеля ошалевшего веткой
Спешишь отогнать от виска.
Вот так же июньским рассветом
За Бугом гудели войска...
(Погранполоса)*

В строфах о начале Великой отечественной войны, о молодых защитниках Брестской крепости хорошо прочитывалась аллитерация, выразительное звуковое сравнение поражало точностью. Короче, стихи показались интересными и я позвонил автору.

Лысоватый человек среднего роста, одетый в мягкий, серый пиджак и светлую рубашку с галстуком, доброжелательно щурил весёлые карие глаза. Смуглое лицо с выразительными бровями, с чуть загнутым книзу носом и улыбчивыми губами делало его слегка похожим на молдаванина.

Манера общения Георгия Карожановича была совершенно интеллигентской, поэтому разговор у нас получился краткий, деловой. Договорились, что будем встречаться на заседаниях литературного объединения «Северный огонёк». Позднее он принёс рукопись, которую мы прочли и обсудили. Ешимов часто приходил со свежими, чем-то необычными произведениями.

К моменту нашего знакомства город уже знал такие имена, как Николай Шамсутдинов, Пётр Суханов, Сергей Сметанин, Никон Сочихин, Дмитрий Сергеев.

Все – поэты, члены Союза писателей России. Но покровительством городской администрации пользовались в основном первые двое, благодаря статусу выпускников Литературного института. Сергеев, историк по образованию, почти полностью занятый журналистикой, держался особняком. ЛИТО «Северный огонёк» посещали Сочихин, Сидоров и я. Ешимов органично влился в нашу компанию.

До первой небольшой книжки, вышедшей на следующий год, Георгий Карожанович напечатал стихотворения «Песня кипчака» и «Витязь» в альманахе «Эринтур» да одну вещь в газете «Вестник». Прежние поэтические опыты Ешимова выпали на молодость. Учась в ленинградском горном институте, он занимался в студии Александра Городницкого.

Что побудило его вновь загореться поэзией на шестом десятке, прожив на Севере больше двенадцати лет? Семьянин и владелец дачного участка, состоявшийся ученый – кандидат технических наук, патентовед, автор множества изобретений, Ешимов, казалось, был самодостаточен.

Может быть, причина в том, что, как говорила критик Алла Цукор: «...Север даёт потрясающие переживания, глубокие и сильные». А может быть, что-то иное возвысило Георгия Карожановича к духовным поискам. Будучи весьма одарённым, этот человек имел за плечами опыт и геолога, и неф-

тяника, и автомобилиста. Он утверждал, что с детства заражён морской романтикой.

*Вновь надену тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...
(Сухопутный моряк)*

Вероятно, Ешимова освежала атмосфера творческого общения, раскрывшаяся на «субботах» литературного объединения, которое в те времена собиралось при редакции «Северо-Сибирского регионального книжного издательства». По его собственному признанию, коллектив «Северного огонька» – то редкое место, где умеют обходиться без сплетен и интриг, никто никого не «подсиживает». Для его деликатной натуры это был просто клад.

Часто Георгий Карожанович приносил тонкую папочку белой бумаги. На листах была распечатана подборка новых стихотворений. Он молча подкладывал рукопись на стол, готовый к творческому обсуждению. Рукопись в четырёх-пяти экземплярах тут же разлеталась по столу, где сидели авторы.

Не все легко и сразу воспринимали чрезвычайную для рядового сургутянина информативную насыщенность ешимовских рукописей. Мало того, что он насыщал тексты производственной лексикой нефтяных промыслов и геологических изысканий, мало географической широты его круго-

светных интересов, он ещё пускался в исторические дебри векового становления российской государственности. Его занимали времена всех войн, тевтоны, турки-сельджуки и татарские ханы, куликовское сражение и грюнвальдская битва, новые трактовки восхождения на престол Петра Первого и кончины императора Павла, судьбы Кутузова, Брусилова, Жукова, Сталина, и бесконечное множество других тем.

«На штык!» – суровым был Суворов:

Пехотный Апеншронский полк

Бесшумно вражьи сняв дозоры,

Сорвал турецких флагов шёлк.

(«На штык!» – суровым был Суворов...)

Конечно, это контрастировало с любовной, домашней или огородно-дачной тематикой стихотворений для детей, которые приносили скромные поэтессы. Помню скептически поджатые губки одной из них: «Сергей Егорович, но я ничего не понимаю в его стихах!» Что делать, порой мы точно так же ничего не понимаем всей хитросплетённой диалектики любовного сюжета, расписанного на добрые четверть авторского листа. А сколько баллад и сонетов о любви публиковалось и публикуется только оттого, что в них многозначительно говорится о неуловимом?

Энциклопедическая широта планетарных интересов Георгия Карожановича не мешала ему временами выводить мелодичные, выразительные и образные интонации.

*Вдоль России кольцо проводов и дорог,
И за солнцем спешит поездной говорок:
Выбивают колеса простые слова:
Благовещенск – Москва,
Благовещенск – Москва.
(Поезд «Благовещенск – Москва»)*

Ешимов постепенно увлек часть «огоньковцев», они стали общаться теснее, встречались у него дома, на даче, наладили дружеские отношения с поселками сургутского района. На мой взгляд это было только на пользу всему объединению. Мы много выступали в школах и библиотеках города, устраивали и общегородские мероприятия. Литературно-поэтический вечер в малом зале ДК «Энергетик» собрал большую аудиторию. Было время, когда Ешимов вёл передачу «Сургутский патефон» городской телестудии «Анонс». В телевизионных передачах принимали участие желающие авторы «Северного огонька».

*Объятья детских рук,
молочный чистый запах:
«Любимый мой, родной,
не покидай меня!»
Но вновь дела зовут на Север и на Запад,
И снова кони ржут, и удила звенят.
(Зов)*

Двадцать пять коротких произведений составили первую книжку Ешимова «Зов» иллюстрированную В. Довганом и отпечатанную в Сургутской городской типографии. Брошюра в мягкой обложке приятного зелёного цвета, карманного формата.

На следующий год четыре стихотворения обнародованы в еженедельнике «Литературная Россия». Появились подборки в газете «Нефть Приобья» и других. Заметил Георгия Карожановича и главный редактор газеты «Тюмень Литературная» Николай Денисов, представивший читателю его стихотворение «Витязь». Вторая и третья книги Ешимова вышли в 2000 году. Время настолько насыщенное событиями, что с трудом вспоминаю работу над редактированием его «Дикой вишни». Её, как и «Яблочный спас», издало Литературное агентство «Московский Парнас». Предисловия к обеим написал Леонид Ханбеков, с которым сразу установились прочные отношения.

Помню стихотворение «Ледоход» с неожиданно символической концовкой, обещающей исчезновение житейских горестей вместе с уплывающими в половодье льдинами:

*Народ в порту взволнованно шумит,
Свои заботы в море провожая,
И строг природы возрождённый вид,
И дышит речка, быстро оживая.
На дальнем берегу рябует лес —
Прокуренными кажется усами...*

*И уплывают беды в синь небес —
Примерзише ко льду, как чьи-то сани...*

Бывало, задумаешься, что кроме творческой работы над стихами связывало нас, таких разных по возрасту, предпочтениям, убеждениям, интеллекту, мечтам? Ведь порой кроме зыбкого ощущения реализации себя как писателя, никакой платы мы за этот великий и самоотверженный труд не получали. Неужели нас сводило чувство социального сиротства, исподволь задевающее каждого: Север, вековая оторванность от «Большой земли»? Нет, точнее всё-таки называть это чувством товарищества.

Насколько помню, излишества, пьянство, даже курение, как-то произвольно выталкивались из круга интересов. У членов «Северного огонька» привился своеобразный шероховатый, но беззлобный литературный юмор. Случайные посетители, которым не возбранялось присутствовать на встречах, обычно с большим интересом относились к происходящему. Но специфика пристрастного «буквоедства» нравилась далеко не всем. Оставались те, кого спланировала потребность постоянного творческого роста. Оно и понятно, ведь всякий рост связан порой с не самыми приятными, даже, возможно, мучительными переживаниями. Их бывает трудно осилить в одиночку. А сообща болезнь роста воспринимается незаметно и преодолевается легче.

Георгий Карожанович на наших глазах стремительно пре-

вращался в известного югорского литератора. В 2002-м году его уже приняли в члены Ханты-Мансийской писательской организации. К этому времени в Москве вышли книжки «Открытые проливы», «Влюблённая Югра» и «Триумфальные арки». Кроме того, он постоянно приносил самиздатовские версии подборок, посвященных то Дню Победы, то пушкинскому юбилею, сделанные в двух-трёх экземплярах. Эти брошюры мастерились, чтобы прочесть их вслух и подарить кому-нибудь.

Часто Георгий Карожанович приносил тонкую папочку белой бумаги. На листах была распечатана подборка новых стихотворений. Он молча подкладывал рукопись на стол, готовый к творческому обсуждению. Рукопись в четырёх-пяти экземплярах тут же разлеталась по столу, где сидели авторы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.